

ЖЕНСКІЕ ИДЕАЛЫ МИЦКЕВИЧА.

Варшавская газета „Przegląd Tygodniowy“ въ своемъ ежемѣсячномъ при-
бавленіи помѣстила статью Валеріа
Пржыборовскаго подъ заглавіемъ: „жен-
скіе идеалы польскихъ поэтовъ“. Эта
статья заслуживаетъ вниманія уже по-
тому, что представляетъ намъ частную
жизнь великихъ людей; воторыхъ, она
объясняетъ многія мѣста изъ ихъ тво-
реній, которыя безъ такой иллюстра-
ціи не вполне понятны. Наконецъ,
принимая во вниманіе, что всякій поэтъ
есть порожденіе своего вѣка, упомя-
нутая статья характеризуетъ взглядъ
общества, въ различныя эпохи, на лю-
бовь и женщинъ вообще.

Свое обозрѣніе, основанное на многочи-
сленныхъ біографіяхъ, на свидѣтель-
ствѣ многихъ лицъ, знавшихъ поэтовъ,
и по ихъ собственныхъ трудахъ, ав-
торъ начинаетъ съ XVIII ст. и рису-
етъ намъ любовь поэтовъ этого вѣка:
Морштына, Венгерскаго, Карпинскаго
и Трембецкаго. Мы не будемъ оста-
навливаться на XVIII вѣкѣ. Каждому
извѣстно то распутство и безобразіе,
тотъ взглядъ на любовь и на женщинъ,
который царствовалъ въ этомъ столѣтіи.

Скажемъ только, что любовь и взглядъ
этихъ поэтовъ не поднимались выше
общаго уровня. Мы остановимъ лучше
вниманіе нашихъ читателей на XIX
вѣкѣ и, особенно на жизни болѣе из-
вѣстнаго русскому обществу поэта
Адама Мицкевича.

Прежде всего авторъ даетъ намъ нѣ-
сколько характерныхъ чертъ молодежи
двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣ-
тія. Вотъ его слова: „Въ двадцатыхъ
годахъ нашего столѣтія, кружокъ весь-
ма талантливей молодежи выработалъ
въ своей средѣ цѣлый рядъ новыхъ,
свѣжихъ идей, которыми пришлось
довольствоваться тремъ слѣдующимъ за
ними поколѣніямъ. Эта молодежь, обу-
чаясь въ виленскомъ университетѣ, во
время славнаго попечительства Чарто-
рыжскаго, представляла тѣсно соеди-
ненную, одномыслящую фалангу, стро-
го дисциплированную и непоколеби-
мую, и разносила идеи съ одной сто-
роны на берега Вислы, а съ другой
— Невы. Составлялись кружки, имѣв-
шіе въ виду науку, взаимную помощь,
сохраненіе чистоты тѣла и души, до-
бродѣтели, однимъ словомъ — самыхъ
благородныхъ стремленій“. Среди раз-
нообразныхъ теорій, созданныхъ этой
молодежью, находимъ такъ называе-

мую „лучистую“ теорію она сильно
проникнута мистицизмомъ, однако не
лишена оригинальности и поэзіи. По
этой теоріи „слово — это лучъ мысли,
который всегда долженъ блескѣть, это
ботаническая пыль душъ человѣческихъ,
которая съ одной души въ другую долж-
на переносить зародышъ цвѣтка“. По-
добнымъ же образомъ объяснена и лю-
бовь; это тоже „ботаническая пыль“,
передающая изъ одного сердца въ дру-
гое „зародышъ цвѣтка“. Одинъ изъ
поборниковъ этой теоріи говоритъ такъ:
„идеаль любви — это ангелъ съ лиліей
въ рукѣ и съ крыльями. Всматривает-
ся онъ въ красоту съ почтеніемъ и бо-
готвореніемъ, какъ въ звѣзду, любитъ
и упивается прелестью, какъ цвѣткомъ;
но ни звѣзды, ни цвѣтка для себя не
желаетъ. „По этой теоріи“, говорятъ ея
творцы, „любовь какъ чувство — сама для
себя есть цѣль и средство, не смо-
тря, на то, что любимый предметъ
отдалъ, или отдаетъ руку друго-
му“. Эта чисто идеальная теорія, не
практичная, не осуществимая, все-та-
ки существовала и удерживала юношей
отъ разврата. И тутъ приходится сра-
внить представленіе любви въ XVIII
стол. съ любовью представителей XIX
вѣка. Отъ сладострастныхъ восхищеній

Морштына, отъ фарисейскаго любостра-
стія Карпинскаго, отъ шутивыхъ
развратныхъ волокитствъ Венгерскаго
къ идеальной любви виленскихъ юно-
шей — большой прогрессъ. Вся эта мо-
лодежь — призванные и не призванные —
предавались съ большимъ рвеніемъ поэ-
зіи, а зная что любовь больше всего во-
спламеняетъ къ поэзіи, всѣ они влюбля-
лись, хотя ихъ любовь часто ограничива-
лась только прогулками подъ окнами бо-
готворимой женщины, глубокими сердеч-
ными вздохами, да цѣлымъ рядомъ со-
нетовъ, балладъ и романсовъ.

Въ средѣ такой то молодежи воспи-
тался гений Польши, Адамъ Мицке-
вичъ и усвоилъ себѣ ея идеи, ея взгляды,
на женщину. Для него тѣ и другіе не
остались чѣмъ то теоретическимъ. Нѣтъ!
Они были для него правиломъ
жизни, какъ читатель увидитъ изъ даль-
нѣйшаго разсказа.

Первымъ предметомъ любви Мицкевича
была Марія Верещака. Въ 1818 г. братъ
ея пригласилъ Мицкевича и Зана, какъ
товарищей, на каникулы къ себѣ, въ
деревню Плужины, новогрудскаго уѣз-
да, расположенную на берегахъ озера
Свитежъ. Занъ бывалъ уже прежде у
Верещаки, познакомился тогда съ его
сестрой, конечно, влюбился и посвя-

щалъ ей свои сонеты. Изъ разсказовъ
Зана Адамъ зналъ уже Марію и былъ
увѣренъ, что встрѣтитъ личность незем-
ную. Въ такомъ настроеніи поэтъ, вмѣ-
стѣ со своимъ товарищемъ, отправился
въ Плужины. Туда пріѣхали они въ
праздникъ Пресвятой Дѣвы и, вполѣд-
ствіи, мистическіе умы ихъ приняли
это за хорошее предзнаменованіе. Хо-
зяевъ въ то время не было дома и Занъ
предложилъ Адаму осмотрѣть весь домъ,
а вмѣстѣ съ тѣмъ и комнату, въ ко-
торой онъ прежде жилъ. Но здѣсь
представилась имъ картина, какой они
не ожидали. Въ комнатѣ не было ни-
кого, хотя вездѣ видны были слѣды не-
давняго пребыванія здѣсь женщины. На
двухъ стульяхъ лежала доска, съ сложен-
ными бѣлыми носовыми платками, во-
ротничками и другими женскими ве-
щами и широкій розовый шарфъ,
еще недоглаженными, а у дверей на гво-
здикѣ висѣло бѣлоснѣжное женское
платье. Это неожиданное зрѣлище, эта
деревенская простота такъ сильно по-
разили Адама и такъ его восхитили,
что нѣсколько лѣтъ спустя онъ неза-
былъ этой картины, не смотря на то,
что объѣздивъ всю Европу, видѣлъ
много и красивыхъ женщинъ и рос-
кошныхъ картинъ, вспомнилъ эту иди-

лическую сцену и всецѣло помѣстилъ
ее въ своемъ твореніи: „Панъ Таде-
ушъ“.

Теперь начинается сильная, никогда
не забытая любовь Адама къ Маріи
любви, подъ влияніемъ которой у по-
эта проявилось творчество. И этой люб-
ви польская литература обязана мно-
гими сокровищами поэзіи, доставившей
Маріи, Свитежу, Плужинамъ безсмер-
тіе. Но кто же та женщина, которую
гений избралъ себѣ идеаломъ? Марія
Верещака была ни хороша, ни дур-
на, — обыкновенный типъ двадцатилѣт-
ней барышни. По своему обращенію,
она напоминала пансіонерку; всегда
патетическая, сентиментальная, иде-
алистка, то меланхолическая, то весе-
лая, она имѣла много прелести и мно-
го юношеской силы.

Марія тоже полюбила Адама, не
смотря на то, что была обручена съ
Путткамеромъ, однимъ изъ самыхъ бла-
городныхъ людей. Этой любви способ-
ствовалъ ея характеръ и тотъ идеа-
лизмъ и мистицизмъ, которые сильно
распространились среди молодежи обо-
ихъ половъ. Влюбленная пара — всегда
поэтическая и идеальная — проводила
время довольно весело; вмѣстѣ собира-
ли цвѣты, вмѣстѣ плавали по озеру,

вмѣстѣ пѣли русскія пѣсни, изъ которыхъ особенно понравилась Мицкевичу одна начинающаяся словами:

„Да черезъ мой дворъ, да черезъ мой дворъ,
„Да тетеря лѣтѣла“...

Марія вовсе не скрывала своей любви, да и скрыть ее было невозможно. Это видѣлъ и ея женихъ, но, сознавая, что борьба съ соперникомъ невозможна для него, онъ спокойно ожидалъ, что любовь эта пройдетъ, тѣмъ болѣе, что, какъ передаетъ одинъ изъ біографовъ поэта, Марія и Адамъ считали свою любовь настолько святою, настолько чистою, что „даже узы брачныя были бы поношеніемъ“.

Наконецъ, настало время разстаться; надо было возвращаться въ Вильно; поэтъ уѣхалъ, еще два года учился, а потомъ переѣхалъ въ Ковно учителемъ школы. Мицкевичъ рельефно описалъ потомъ свое прощаніе съ любимой женщиной. Какія страшныя муки перенесъ онъ въ это время, видно изъ его безсмертнаго произведенія „Дѣды“, гдѣ въ лицѣ Густава онъ изобразилъ свои страданія. Послѣ того Мицкевичъ уже не встрѣчался съ Маріей; она вышла замужъ за Путткамера, оставаясь въ *душѣ вѣрна поэту*. Мицкевичъ въ Ковнѣ писалъ много, рисуя свою любовь къ Маріи; мужа

ея онъ представилъ въ нехорошихъ чертахъ, хотя знавшіе Путткамера, говорятъ, что это одинъ изъ лучшихъ, честнѣйшихъ людей. Поэтъ впадалъ въ отчаяніе, блуждалъ по горамъ и лѣсамъ цѣлые дни и ночи. Марія съ своей стороны тоже не забыла Адама. Разлука, отдаленіе не только не уменьшили порывовъ любви, но еще болѣе укрѣпили ее, придавая ей вполнѣ идеальный характеръ. Марія мечтала, часто блуждая по лѣсамъ, ставила камни съ чернымъ крестомъ и съ надписью: „обманутой надеждѣ“ и т. п. Мужъ на все это смотрѣлъ сквозь пальцы. Въ 1822 и 1823 г. Мицкевичъ издалъ два тома своихъ произведеній, доставившихъ ему славу. На первыхъ страницахъ обращается онъ къ Маріи, называя ее своей сестрой и напоминая, что они связаны „не родствомъ, а духомъ и чувствомъ“. Марія умерла въ 1864 г., переживъ и мужа, и своего возлюбленнаго.

Этой любви поэзія польская обязана слѣдующими произведеніями: „Свитежъ“, баллада, посвященная Михаилу Верещакѣ“, „Свитежанка“, „Рыбка“, „Холмикъ Марыли“, „Романтизмъ“ и другія; между прочимъ, четвертая часть его „Дѣдовъ“. Вездѣ повторяется имя Маріи; постоянно о ней поэтъ думаетъ

и жалуется. Такъ окончилась первая юношеская любовь!

Въ первый годъ пребыванія Мицкевича въ виленскомъ университетѣ и за два года до знакомства его съ Маріей, т. е. въ 1816 г., одинъ случай, пустой для всякаго другого, не таковаго мистика, какъ Мицкевичъ, глубоко поразило его. Гуляя однажды на виленскомъ кладбищѣ, Адамъ на одномъ памятникѣ прочелъ надпись: „Ласкарисъ“. Имя древнихъ византійскихъ царей, далеко отъ водъ Босфора попавшее въ Литву, сильно поразило поэта-мистика и у него вдругъ явилась странная мысль, что жена его будетъ называться Ласкарисъ. Этотъ случай и странная идея подъ вліяніемъ сильнаго чувства любви къ Маріи скоро вылетѣли изъ головы поэта; и о Ласкарисѣ онъ совсѣмъ забылъ. Съ того времени прошло шесть лѣтъ, горькихъ и долгихъ, когда случай представилъ Мицкевичу живую Ласкарисъ. Въ Вильнѣ была нѣкая г-жа Залѣская, у которой жила кузина, Флора Ласкарисъ; мать ея именно и лежала на кладбищѣ подъ тѣмъ памятникомъ, надпись котораго возбудила такія странныя идеи у поэта. Въ то время, когда Адамъ познакомился съ Флорой, ей было 17 или 18 лѣтъ. Вотъ какъ о ней гово-

ритъ авторъ: „Если послѣдняя отрасль византійскихъ царей не была съ матеріальной стороны хорошей партией, то она блестяла такой быстротой и оригинальностью ума, что въ присутствіи ея меркли всѣ сентиментальныя и меланхолическія, какъ приказывала мода, современные красотики“. Это была дѣвица, полная остроумія, проницательности, умная, необыкновенно оригинальная въ своихъ взглядахъ, такъ что, по замѣчанію автора, „сто лицъ могло высказывать свое мнѣніе о какомъ-нибудь предметѣ, а ни одно изъ нихъ не замѣчало той стороны, которую видѣла Флора;—словомъ, это былъ необыкновенный умъ, особенно въ тѣ времена“. Мицкевичъ, познакомившись съ ней, дѣйствительно вспомнилъ свою прогулку по кладбищу, надпись и свою мысль, а когда узналъ, что могила, обратившая его вниманіе, скрываетъ прахъ матери Флоры, тогда казалось ему что сама судьба ставитъ его передъ дѣвушкой, говоря: „это твоя жена“. Отношеніе между поэтомъ и Флорой скоро сдѣлались весьма дружественными. Адамъ со своимъ другомъ, поэтомъ польскимъ, живущимъ до нынѣ, (Аго) Антономъ-Эдуардомъ Одынцемъ, былъ ежедневнымъ гостемъ у Залѣской; онъ восхищался умомъ барышни, называлъ ее

своимъ другомъ, а иногда „Цесариной“, намекая этимъ на ея происхожденіе. Остроумная Флора въ замѣнъ прозвала Мицкевича старшимъ пажемъ, а Одынца—младшимъ; но подъ этой выходкой остроумія скрывалась глубокая тихая, сиротская любовь къ поэту. А Адамъ? онъ забылъ ее скоро, уѣхавъ въ Ковно, а оттуда въ Петербургъ, хотя нельзя сказать, чтобы забылъ онъ ее совсѣмъ; она оставалась у него гдѣ то въ глубинѣ сердца, можетъ быть, не забытая! Семъ лѣтъ спустя въ 1829 году, Адамъ съ Одынцемъ посѣтилъ славное кладбище Сатробаппо въ Бононіи; случайно установился онъ надъ могилой брата Залѣской, опекуни Флоры, и тогда онъ сказалъ, что „никогда ни съ кѣмъ не поступалъ такъ осторожно, какъ съ Флорой, боясь, чтобы дружба не перешла въ любовь и чтобы на ней не жениться. Часто онъ разсуждалъ самъ съ собой: не будетъ ли это чувство дружбы прелюдией къ исполненію предсказанія на кладбищѣ?“

Одынецъ однако говоритъ: „нужно удивляться, что это предсказаніе не исполнилось“. Въ то время, когда Мицкевичъ былъ въ Германіи и Италіи, гдѣ напoлъ новую болѣе идеальную любовь, Флора переѣхала въ Варшаву,

не забывая поэта, и, кажется, переписывалась съ Одынцемъ, чтобы имѣть хоть кой-какія извѣстія о своемъ возлюбленномъ. Когда въ 1832 г., вслѣдствіе возстанія въ Польшѣ, Мицкевичъ уѣхалъ въ Дрезденъ, Флора также хотѣла туда ѣхать, но это ей не удалось, а жаль, говоритъ авторъ, потому что Мицкевичъ женился бы на ней непременно. Флора вышла замужъ за Забѣллу, славнаго хозяина, но больше ничего...

Адамъ отправился въ поэтическую Италію; во время этой поѣздки онъ завязалъ сношенія съ синьорой Рахели, съ которой познакомился случайно въ дорогѣ; это была довольно красивая, со свѣжимъ и румянымъ лицомъ, съ черными глазами, женщина, довольно умная, близко знакомая съ италіанской литературой. Поэтъ проводилъ у ней все время въ теченіи недѣльнаго своего пребыванія въ Венеціи и учился у нея италіанскому языку. Особенно глубокаго впечатлѣнія она не произвела на Мицкевича.

Славянникъ.

(Окончаніе будетъ).

